DOI 10.15826/usos.2024.14.6
УДК 325.2(470)+325.35+94(510)“1941/1945”+94(520)“1941/1945”+355.40+344.131.1

Е. Е. Аурилене

РОССИЙСКИЕ ЭМИГРАНТЫ В МАНЬЧЖОУ-ДИГО: «ЗА НОВЫЙ МИР!» (1941–1945)

Аннотация. В статье рассматривается положение русских эмигрантов в Маньчжоу-диго в условиях ужесточения японского оккупационного режима в 1941–1945 гг. Несмотря на пакт о нейтралитете, Япония считала СССР своим противником в войне за господство в Восточной Азии. Территория марионеточного государства была превращена в военно-экономический плацдарм для будущей войны. На основании документальных источников показаны попытки японской военной миссии интегрировать политически аморфное эмигрантское население, подготовить его к борьбе за «новый порядок», который приведет к крушению Коминтерна и советской власти, возродит национальную Россию. В начале 1940-х гг. активную работу среди эмигрантов развернула советской разведка. Великая Отечественная война СССР вызвала у россиян подъем патриотизма, обусловившего провал усилий японской пропаганды и успех советской резидентуры. В годы советско-японской войны ЯВМ не решилась использовать белоэмигрантские воинские подразделения в боевых действиях как неблагонадежные.

Ключевые слова: российская эмиграция в Маньчжоу-диго, Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи, «новый порядок в Восточной Азии», «оборонцы» и «пораженцы», белоэмигранты в советской разведке, операция «Отчизна»

Elena E. Aurilene

RUSSIAN EMIGRATION IN MANCHUKUO “FOR A NEW WORLD!” (1941–1945)

Abstract. The article considers the position of the white Russian emigration in Manchukuo under a strict occupation regime in 1941–1945. In spite of the neutrality pact Japan considered the USSA its enemy on the way of dominance over the East Asia. The puppet state territory was prepared as a military base for the future war. On the base of archival documents, the author represents the Japanese Military Mission attempts to integrate politically indifferent White Russians to prepare them to fight for “the new order in the East Asia”. This “new order” was supposed to crash Komintern and revive the former national Russia. The Great Patriotic War of the USSA against Fascist Germany motivated patriotic feelings of Russian emigrants and ruined Japanese Military Mission plans. In the struggle for White emigration the Soviet intelligence took advantage. During the Soviet-Japanese war the Japanese military command didn’t use Russian military detachments as unreliable.

Keywords: Russian emigration in Manchukuo, The Bureau of Russian Emigrants Affairs in Manchurian Empire, Pacific war, “the new order in the East Asia”, “oborontsy” and “porazhentsy”, White Russians in Soviet intelligence, special operation “Otchizna”

История русской эмиграции стала предметом объективного научного исследования более 30 лет назад. Сегодня в обширном спектре ее проблематики вряд ли остались темы, не вызвавшие интереса историков, филологов, культурологов и т. д. Накопленный историографический опыт открывает возможности для уточнения, а, возможно, и переосмысления сложившихся взглядов и шаблонных оценок, которые часто свойственны раннему этапу изучения новой

научной проблемы. В этом смысле история русской эмиграции в Маньчжурии не стала исключением.

В спектре данной проблематики, пожалуй, самой противоречивой является освещение в отечественной литературе антисоветской деятельности эмигрантов. Во многом это объясняется особенностями источниковой базы, основу которой составили отчеты советских органов разведки и контрразведки. Здесь следует учесть два обстоятельства: во-первых, до сих пор не все архивные дела рассекречены; во-вторых, на корректность данных в отчетных документах влияет человеческий фактор. В годы репрессий и в период Великой Отечественной войны местные органы ОГПУ-НКВД-НКГБ старались преуспеть в результатах борьбы с антисоветскими элементами, отправляя в центр отчеты о сотнях, а то и тысячах «шпионов», «диверсантов» и прочих «врагов».

В начале 1940-х гг. на территори и Маньчжоу-диго проживало чуть более 60 тыс. российских эмигрантов, в 1945 г. – примерно 70 тыс. [ГАХК Ф. 830. Оп. 1. Д. 215. Л. 2]. Большинство из них давно потеряло интерес к политике, предпочитая мирную жизнь антисоветской возне фашистов и прочих активистов, надеявшихся освободить родину от большевиков. Но в условиях марионеточного государства русские эмигранты снова оказались заложниками большой политики, были обязаны выполнять предписания режима, ужесточившегося в годы войны на Тихом океане.

Несмотря на официальные атрибуты, символы и церемонии, подчеркивавшие формальный статус «империи», фактическим главой Маньчжоу-диго была Японская военная миссия (ЯВМ). Авторы геополитической доктрины «Императорского пути» считали завоевание Маньчжурии жизненно необходимым этапом на пути к созданию «нового порядка» или «сферы процветания Великой Восточной Азии». Японские паназиатисты создали своеобразную иерархическую систему этнических ценностей по квазисемейному принципу, согласно которой во главе семьи азиатских народов стояла японская нация, вооруженная идеалами «расы Ямато» и призванная повелевать отставшими в своем развитии аморфными народами других стран Азии [Сила-Новицкая]. Белая раса объявлялась чуждой азиатскому миру и должна была уступить японцам свои завоевания в Азии. Главными противниками Японии на пути к господству в Восточной Азии были США и Великобритания, которых японская пропаганда презрительно называла «англо-саксами», «мировым злом» и т. д. [Война за Великую Азию и задачи российской эмиграции, с. 29].

Несмотря на советско-японский пакт о нейтралитете, в списке «злодеев», препятствовавших установлению справедливого порядка в Восточной Азии, числился и Советский Союз. Однако акцент в антисоветской пропаганде был смещен на «кровожадный Коминтерн», распространявший по миру коммунистическую заразу [Война за Великую Азию и задачи российской эмиграции, с. 29]. После неудачной пробы сил в Приморье (1938 г.) и на территории МНР (1939 г.) японские стратеги отложили войну с СССР до удобного момента и повернули вектор имперской агрессии на Тихий океан. Удобный момент во многом зависел от успеха гитлеровской Германии на Восточном фронте.

Белоэмигрантское население представляло интерес для ЯВМ в связи с тем, что его можно было использовать в диверсионно-разведывательной работе на приграничных территориях советского Дальнего Востока. Успешный исход борьбы за «новый порядок в Восточной Азии» обещал эмигрантам «освобождение» территорий в Сибири и на Дальнем Востоке от большевиков и возрождение России.

Для административного контроля над эмигрантами и идейно-политической интеграции ЯВМ учредила Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (БРЭМ), во главе которого, сменяя друг друга (в зависимости от обстоятельств), стояли бывшие «белые» генералы: В. В. Рычков (1934–1935 гг.), А. П. Бакшеев (1935–1938 гг.), В. А. Кислицин (1938–1943 гг.), Л. Ф. Власьевский (1943–1945 гг.). Деятельностью Бюро руководили советники из ЯВМ. Кроме административного управления и культурно-воспитательной работы, Бюро занималось контрразведывательной и разведывательной деятельностью против Генконсульства СССР, иностранных консульств и советских граждан. Военный отдел БРЭМ объединил в рамках своей структуры эмигрантские военные организации, проводил отбор контингента для воинских подразделений, курсов и школ, занимавшихся подготовкой разведчиков и диверсантов. В Харбине ЯВМ создала специальную диверсионно-разведывательную школу для русских, начальником которой был майор Мурасава. Критерием отбора в эту школу была степень лояльности эмигранта к Японии и враждебности к Советскому Союзу [Аурилене, Тужилин, с. 305.].

В годы войны на Тихом океане эмигранты, как и все население Маньчжоу-диго, были включены в систему обеспечения ресурсов для японской армии. Началась жесткая экономия продовольствия, все ресурсы страны были мобилизованы на помощь фронту. Повсюду шли массовые общественные мероприятия, разъясняющие пафос великого момента. Так, в декабре 1941 г. эмигрантская газета «Заря» поместила информацию с места событий о «всенародном» собрании у храма Харбин Дзиндзя, посвященном началу войны на Тихом океане. Подробно перечислялись элементы церемонии: флаги и гимны Японии и Маньчжоу-диго, поклонение в сторону резиденций обоих императоров, «молитвенная минута молчания для осознания грандиозности одерживаемых побед…» [Заря, 12 декабря] и т. д. Ораторы-пропагандисты выступали в учебных заведениях, на общественных собраниях, обещали победу японского оружия над «англо-саксами» и близость светлого будущего – «нового мира» [Война за Великую Азию и задачи российской эмиграции, с. 30].

Хозяева марионеточной «империи» планировали использовать белоэмигрантов в будущей войне с СССР, а после победоносного ее завершения – для управления освобожденными от коммунистов территориями. С этой целью создавались специальные воинские подразделения, готовившие контингент для боевых действий на территории СССР, диверсантов, разведчиков. В 1943 г. в составе Армии Маньчжоу-диго числилось три русских воинских отряда: на станциях Сунгари-2 и Ханьдаохэцзы, в районе г. Хайлар. В каждом отряде насчитывалось от 200 до 300 чел. Служба была обязательной для всех мужчин призывного возраста, а после ее окончания они переходили в разряд резервистов. Специалисты для подрывной

работы против СССР готовились также в подразделениях ЯВМ и на курсах при Российском фашистском союзе.

ЯВМ поставила на поток «добровольные» пожертвования населения на оборону государства и подарки воинам. Уклониться от этой благотворительной миссии было практически невозможно. О «потоках» добровольных пожертвований на «оборону государства» пресса сообщала ежедневно. Несмотря на бесперебойную идеологическую обработку населения, уверенности в его лояльности у властей по-прежнему не было. Иначе трудно объяснить появление так называемого «Закона о сохранении общественного спокойствия», направленного против «идеологических злоумышленников», сулившего таковым смертную казнь или пожизненное заключение [Заря, 21 декабря]. Не все «злоумышленники» проходили официальные процедуры, предписанные, режимом. Случалось, они бесследно исчезали, особенно те, за которыми не стояли родственники или связи. После войны выяснилось, что они становились материалом для испытаний бактериологического оружия в Отряде 731 [Пермяков].

В целях «правильного» воспитания эмигрантов бесперебойно работала пропагандистская машина ЯВМ. Русскоязычные средства массовой информации ежедневно сообщали об успехах германских войск, взявших на себя миссию борьбы с Коминтерном. О реальном положении дел на советско-германском фронте эмигранты узнавали от советских граждан или иными, тайными, путями. Ход войны на Тихом океане также освещался исключительно в победоносном духе. Даже в 1944–1945 гг., когда поражение Японии было очевидным, в средствах массовой информации и официальных публичных речах превозносилась жертвенность летчиков-камикадзе, которая должна была вселить в общественное сознание чувство гордости за воинов нации Ямато. «Воспитанная на принципах *Бусидо*, ниппонская армия проникнута духом непревзойденного героизма, – писал «Луч Азии», – и каждый ее представитель с готовностью отдает жизнь во имя победы над врагом. …Эта жертвенность и героизм впитались в кровь и плоть ниппонского воина и неуклонно ведут его по пути славы…» [Луч Азии. 1945. № 12. С. 11].

Во время ожесточенных боев за остров Иводзиму в марте 1945 г. «Луч Азии» опубликовал статью оптимистического содержания под заголовком: «Экономически и духовно Америка не выдержит войны». Этот же номер сообщал о росте производственного потенциала молодой империи Маньчжоу-диго, которая «является сырьевой базой сферы взаимного процветания». Существенную часть этого потенциала составляли русские эмигранты, успешно трудившиеся в производственной сфере [Луч Азии. 1945. № 6. С. 5,16].

Однако, несмотря на тотальный контроль, массированную антисоветскую пропаганду и насаждение ценностей «нового порядка», подавляющая часть эмигрантов заняла позицию «оборонцев», т. е. поддерживала борьбу СССР против гитлеровской Германии и осуждала имперскую политику Японии. В ЯВМ, жандармерию, БРЭМ поступали донесения агентов о росте оборонческих настроений среди эмигрантов. Те, кто поддерживал официальную позицию властей, назывались «пораженцами». Чаще всего, это были члены Российского фашистского

союза или сторонники атамана Г. М. Семенова, официально назначенного японцами главой русской эмиграции в Маньчжурской империи.

Культурно-воспитательный отдел Бюро получил указание усилить работу по противодействию советской пропаганде, но попытки навязать русскому населению ценности «нового порядка» успеха не имели. В Генеральном консульстве СССР в Харбине отмечался поток заявлений от эмигрантов о переходе в советское гражданство. Многие содержали просьбу отправить их на советско-германский фронт, чтобы вместе с советским народом защищать Родину от фашистов.

Об этом, в частности, свидетельствует донесение одного из агентов БРЭМ о закрытом заседании общественности по борьбе с оборончеством, датированное 1942 г. Докладчиком на собрании был начальник культурно-воспитательного отдела, вождь русских фашистов К. В. Родзаевский. Он заявил, что оборончество – дело рук советской агентуры, и эмигранты должны противостоять красной пропаганде. Из текста донесения видно, что единодушия по поводу текущего момента у собравшихся не было. Так, например, один из выступавших, некто В. Д. Маракулин, сетовал, что «здесь правды сказать нельзя, так как это было бы лебединой песней для оратора…». Он же высказал надежду на то, что, победив Германию, русский народ справится и с большевиками. Агент, написавший донесение, оставил по этому поводу комментарий: «…Вся речь Маракулина – пропаганда оборончества». Заметим, что упомянутый В. Д. Маракулин в 1925–1932 гг. имел советский паспорт и служил на КВЖД, а в 1932 г. он перешел в эмигрантское состояние, так как «не разделял…идеологии СССР» [ГАХК. Ф. 830. Оп.3. Д. 29296. Л. 1–20].

Маньчжурские власти приняли срочные меры по предотвращению роста «оборончества». Лиц, возбудивших ходатайство о переходе в советское гражданство, лишали продовольственных и хлебных карточек. Советских граждан увольняли с работы, детей исключали из школ, отдельных лиц депортировали в СССР. Официально причина депортации объяснялась «вредной деятельностью» против Маньчжоу-диго и сокрытием факта обращения в советское консульство по поводу гражданства. Со своей стороны советские власти не приветствовали возвращение бывших соотечественников из опасений получить в их лице японскую агентуру.

Рост числа «оборонцев» создавал базу для усиления агентурной сети советской разведки среди служащих ЯВМ, БРЭМ, прочих официальных и частных учреждений и организаций. Генеральное консульство СССР активно способствовало расширению лагеря «оборонцев» через свои каналы. По свидетельству Г. Г. Пермякова, работавшего в те годы переводчиком в генконсульстве, его коллеги, специалисты по белой эмиграции, делили своих информаторов из числа эмигрантов на ряд видов и подвидов: «болтуны», которые выдают важные тайны; обиженные знатоки; пассивные или инициативные слухачи; случайные осведомители; платные информаторы, которые знают важные вещи, но дают их только за деньги; штучные уведомители; ревнивые и злобные или обиженные доносчики; шпионы-любители; идейные разведчики – наиболее ценные помощники; информаторы-патриоты; агенты-двойники – «и вашим, и нашим»; опытные внедренные разведчики; бесценные спаи – самородки» [Пермяков].

В 1942–1945 гг. прочные позиции в Маньчжоу-диго имели дальневосточные чекисты. Только хабаровское управление направило в марионеточную империю 32 агента-вербовщика, которые создали там агентурную сеть из 20 чел. и 30 агентов-связников. В 1943 г. хабаровская разведка имела агентов, которых можно было использовать в изучении и разработке сотрудников ЯВМ, полиции и отдельных представителей белой эмиграции. В советскую агентурную сеть были вовлечены бывшие офицеры «белых» армий и лица гражданских сословий, монархисты и фашисты, поменявшие свои убеждения из патриотических чувств или под давлением обстоятельств.

На советскую резидентуру в 1940-х гг. работали представители эмигрантской политической и военной элиты Маньчжоу-диго, среди которых полковник Я. Я. Смирнов – служащий ЯВМ, позднее командир Русского воинского отряда на Сунгари-2, Гурген Наголен (Ассерьянц) – подполковник Главного штаба армии Маньчжоу-диго, начальник 3-го отдела и фактический глава контрразведки БРЭМ М. А. Матковский и другие. Во многом благодаря их усилиям, накануне советско-японской войны 1945 г. руководство Красной Армии было осведомлено о численности и дислокации частей Квантунской Армии, настроениях местного населения.

В конце 1944 г. Управление НКГБ по Хабаровскому краю разработало радиоигру «Отчизна», цель которой состояла в распространении среди эмигрантов информации, способствовавшей росту антияпонских настроений. Радиовещание шло с территории Хабаровского края, но среди эмигрантов был пущен слух, что это дело рук антияпонского подполья из эмигрантов-оборонцев, которое располагает правдой о жизни эмигрантов под гнетом японцев, положении дел на советско-германском фронте и т. д. Первая передача прошла 14 февраля 1945 г., начавшись песней варяжского гостя из оперы «Садко». Эмигранты услышали едкую критику в адрес японского режима, обрекающего их на жалкое существование, фашистах, предающих русский народ в угоду японцам, о провалах Японии в Тихоокеанской войне и скором вторжении американцев, скорой победе СССР над фашистской Германией и т. д. [Аурилене, Тужилин, с. 292–298].

Передачи «Отчизны» вызвали большой резонанс в эмигрантском обществе. Их ждали, передавали информацию из уст в уста, строили легенды о таинственном советском разведчике, перемещавшемся по Харбину с радиопередатчиком и недосягаемом для японских спецслужб.

Русская эмиграция, вынужденная подчиняться японскому военному режиму, в большинстве своем не была намерена поддерживать Японию в случае военного конфликта с СССР. Понимая, что антисоветская пропаганда имеет слабый результат, японское командование так и не решилось использовать эмигрантские воинские подразделения в боевых действиях против СССР как неблагонадежные. Материалы, полученные советской разведкой из эмигрантских источников, были использованы в подготовке Маньчжурской наступательной операции Красной Армии. В период советско-японской войны под руководством Генконсульства СССР и Общества советских граждан работал Штаб обороны Харбина (ШОХ), в который вошло немало эмигрантов, в том числе и служащих Бюро. Штаб охранял город от мародеров всех мастей, не допустил уничтожения объектов жизнеобеспечения города, разрушения мостов и дорог.

Список литературы

Аурилене Е. Е., Тужилин С. В. Заложники большой политики. Российские эмигранты в Маньчжоу-диго (1934–1945). М.: Яуза-каталог, 2023. 352 с.

Война за Великую Азию и задачи российской эмиграции. Сборник статей для ораторов. Харбин, 1942. 30 с.

ГАХК.Ф.Р-830.Оп. 1. Д.215. Л.2.

ГАХК.Ф.Р-830.Оп.3. Д.29296. Л. 1–20.

Заря. 1941. 12 декабря.

Заря. 1941. 21 декабря.

Луч Азии. 1945. № 6.

Луч Азии. 1945. № 12.

Пермяков Г. Г. Отряд 731. Документальная повесть // «Рубеж». Тихоокеанский альманах 2004. № 5. С. 246–297.

Сила-Новицкая Т. Г. Культ императора в Японии: мифы, история, доктрины, политика. М.: Наука, 1990. 204 с.

The article was submitted on 10.06.2024